

«Лучше гор могут быть только горы...»

В. И. ШУТОВ

Однажды осенью я увидел в МИФИ объявление о начале занятий секции альпинизма. Это был 1952 г. Я решил попробовать свои силы в этом спорте. Секцию организовал студент Эргали Рыспаев, переведенный из МВТУ. Он был членом альпинистской секции МВТУ, одной из самых сильных секций среди московских институтов. Эргали привлек из МВТУ в качестве тренера-совместителя Виктора Васильевича Миклашевского, интереснейшего человека, известного с довоенных времен альпиниста, мастера спорта по альпинизму, получившему это звание в 1941 г.! Еще в 1938 г. Виктор Васильевич вместе с Евгением Абалаковым впервые совершил траверс вершин пяти тысячников Дыхтау и Коштантау в Безенгийском ущелье.

Занятия проходили интересно: теоретически обучались прохождению скальных и снежных маршрутов, приемам скалолазания, технике страховки. Практически знакомились с альпинистским снаряжением: ботинками, кошками, ледорубами, крючьями, веревками, палатками и прочим снаряжением. Учились вязать альпинистские узлы. И все это проходило вперемежку с увлекательными рассказами о горах и разных приключениях.

Практические занятия по скалолазанию проводили в Царицыно, в недостроенных и частично разрушенных зданиях царского дворца. Это была настоящая альпинистская мекка всех альпсекций Москвы. По воскресеньям здесь можно было встретить массу новичков и ассов альпинистов-скалолазов. Через Миклашевского мы были знакомы со многими из них, узнали много известных имен.

Альплагерь «Алибек». Летом 1953 г. я получил путевку в альплагерь «Алибек», расположенный в Домбайской долине Западного Кавказа. Здесь я впервые окунулсЯ в волшебный мир первозданной красоты, товарищества и братства, какой-то иной жизни, не похожей на жизнь на равнине.

Группой альпинистов МИФИ мы приехали в Черкесск на базу лагеря. Были среди нас и новички, и бывалые альпинисты. После обеда, разместившись в кузове автомашины, мы дви-

нулись в горы. Началось предгорье, невзрачные выжженные холмы становились все выше и выше, а дорога уходила дальше и дальше вверх. На подъемах машина натужено урчала и замедляла ход. Новички мотали головами из стороны в сторону, замирали, когда машина проходила по кромке обрыва или когда поч-

В. И. Шутов

ти касалась бортом вырубленной скалы. Отроги гор превратились в угрюмые, надвигающиеся с двух сторон каменные стены, местами покрытые хвойным лесом. Ущелье становилось уже, отвесы круче, но вдруг ущелье раздвинулось, и мы въезжаем в местный оазис – поселок Теберда. Перекур. Спрыгиваем на землю, разминаем затекшие ноги, идем смотреть на чистые голубоватые воды реки Теберды. В поселке много зелени, но преобладают хвойные породы.

И снова в путь. Уже вечереет, прямо по ущелью просматриваются снежные верхи гор. Дорога уходит все дальше вверх. Мы движемся к Домбайской поляне. Шофер включил фары, и свет фар выхватывает из темноты причудливые фантастические образы, воображение дорисовывает пугающие картины. Вот и развилка дорог: налево уходит ущелье, ведущее к Клухорскому перевалу, прямо в Домбай. И вдруг свет фар пропал, машина встала – сломалась. Нас охватила темнота и тишина, и только где-то далеко-далеко внизу шумел Аманауз. Пропасти не видели, но ее чувствовали.

Поеживаясь от холода, надеваем теплые вещи. Что же делать? Ночевать? Но как? Видим, один из инструкторов раздевается, остается в тирольках и одной рубашке, выдавшей вида (я потом узнал, что в то время у альпинистов рубашка, потрепанная на восхождении, считалась особым шиком), надевает кеды и легким бегом вверх по дороге убегает в темноту. Нам говорят,

Вершина Белалака зимой

что побежал в Домбай за помощью. Бывалые весело обсуждают создавшуюся обстановку, раздаются смешки. Нам, новичкам, не до смеха. Начал накрапывать дождик. Мы нахохлились. Куда-то исчезла красота. Мрачное место. В таком состоянии мы готовились провести время до утра. Но примерно через час блеснули фары автомашины, и радости нашей не было предела, мы снова в пути, восторгаемся альпинистской выручкой.

В темноте миновали Домбайскую поляну, грузеная машина снова полезла вверх по дороге. Примерно через полчаса машина остановилась, мы приехали в альплагерь «Алибек». Темнели какие-то строения. Было довольно холодно. Нас временно разместили по палаткам. Спать.

Утром мы были потрясены увиденным! Яркое солнце, голубое без единого облачка небо, зеленые склоны и снеговая белизна окружающих гор! Восхищению не было конца, мы только вертели головами, вслушиваясь в незнакомые, но волнующие названия окружающих вершин.

Прямо перед нами вниз уходило Алибекское ущелье, вдали, как на ладони, уже поднималось Домбайское ущелье, упираясь в заснеженную отвесную стену Домбай-Ульгена. Несколько ближе – красивый пик Инэ и вершины горного массива Джугутулочат. Справа над нами – Белалака; прямо рядом, рукой подать – ее плечо, покрытое хвойным лесом. На западе, позади нас – красавец Эрцог и «лежащая женщина» Сулахат, а слева – травянистые склоны Семенов Баши. Мы окружены горами! Дух захватывает от этого холодного величия окружающих снеговых вершин. В этот момент и возникла, наверное, любовь к горам.

Затем начались лагерные будни в этом земном раю: тренировки, учеба, знакомство с альпинистской азбукой, вечера, песни у костра. В конце смены заключительный выход: восхождение на вершину Софруджу, куда десятками обычно водили новичков. Я уезжал, уже твердо зная, что вернусь в этот волшебный край!

Зимой параллельно с институтом была учеба в Московской школе инструкторов, а летом стажировка в горах, работа инструктором и восхождения, восхождения в горах Западного и Центрального Кавказа. За моей спиной десятки восхождений, среди них восемь – высокой категории сложности: четыре 5а и четыре 5б. В трех я был участником,

первопроходцем новых маршрутов. Неопишуемое чувство радости и восторга испытываешь при вступлении на вершину! В 1961 г. мне присвоили звание мастера спорта по альпинизму.

Но надо сказать, что альпинизм – все-таки опасный вид спорта. Мы знаем, что иногда восхождение заканчивается трагически. В районе Безенги на вершине Дыхтау погиб мой товарищ Эдик Богдасаров, с которым мы не раз проходили сложные маршруты, в том числе и этот. Дыхтау, пятитысячник Кавказа, коварная вершина, особенно ее спуск. Есть безопасный, но нудный спуск на полдня, и есть быстрый спуск по длинному, ледовому, но опасному кулуару, который ведет практически к подножию вершины, на ледник. В свое время мы выбрали этот заманчивый спуск: крюки везде по спуску забиты, только перецепляйся! Спуск начали очень рано, до восхода солнца, когда «живые» камни еще были приморожены минусовой температурой. Тогда очень быстро мы оказались на леднике. И вот, в том же кулуаре, спустя несколько лет, Эдик погиб.

Обычно просят рассказать о каком-нибудь интересном восхождении. Но для альпинистов интересны, как правило, маршруты не ниже 4–5 категории сложности. Рассказы эти избобилуют специфическими подробностями, которые понятны альпинистам и, как правило, не интересны обычным слушателям. Поэтому я остановлюсь лучше на некоторых наиболее ярких впечатлениях, которые пришлось пережить, и которые врезались в память и, по-видимому, навсегда. Речь пойдет о трех ночевках на гребнях вершин.

Гроза на гребне Восточной вершины. Горный массив Шхельды в Центральном Кавказе

выделяется своей незабываемой красотой, оригинальной изрезанностью гребня, башенным строением вершин. Группа из девяти альпинистов из альплагеря «Спартак» под руководством мастера спорта, ленинградки С. Вороновой совершила восхождение на Восточную вершину Шхельды по маршруту 46 категории. Лазание по изрезанному гребню доставляло истинное удовольствие. К вечеру, часов в 5, мы подошли под Восточную вершину и решили ночевать на гребне. Спустились на веревку вниз, обустроили небольшую площадку для двух палаток. Сразу за палатками возвышался каменный выступ, защищавший нас от возможности падения камней, а в метре от входа в палатки начинался обрыв.

Плотно поужинали, и в хорошем настроении стали залезать в свои спальные мешки. В палатке-памирке, рассчитанной на четверых, нас было пять довольно упитанных ребят. С шутками и добродушно переругиваясь мы, наконец, расположились и договорились ночью переворачиваться по команде. Я у себя в спальном мешке в ногах поместил кастрюлю со снегом, пересыпанным сухим киселем. Из кастрюли тянулась длинная тонкая трубка (кембрик), так что по мере таяния снега, каждый мог смочить пересохшее горло.

Вдруг слышим голос руководителя: «Ребята, будет гроза, надо укрепить палатки и все железо спустить вниз». Начинаем все сначала. Вылезаем из палатки, вокруг темно, и только удаленные сполохи грозы освещают снег и скалы. Быстро спускаем на веревке кошки, крючья, молотки и примус. Укрепляем палатку и вновь залезаем в мешки. Только прежнего благодушия уже нет. Засыпаем или дремлем в тревожном ожидании.

Раскаты грома заставляют всех очнуться и как-то внутренне собраться. Посыпалась снежная крупа, и первый мощный порыв ветра встряхнул палатку, раскачивая увесистые камни, оттягивающие концы палатки. Первые электрические разряды в виде светлых и желтых каналов молний осветили палатку, заставили всех сжаться, одновременно громовые раскаты оглушали и, казалось, били тебя. Гроза переваляла гребень, молнии возникали повсюду. Даже зажмурившись ты видишь эти каналы сквозь плотно сжатые веки и стенки палатки – справа, слева и сверху. И все это в сплошном грохоте раскатов и воя ветра.

Палатка, ранее казавшаяся нам такой тесной, теперь трепетала на ветру полупустой, хлопая своими скатами: мы как-то уменьшились, съежились и, тесно прижавшись друг к

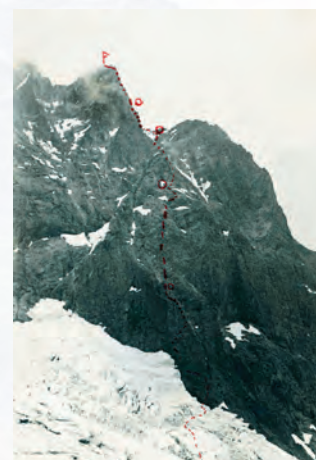
другу, сдвинулись к центру палатки. Мы были в центре грозового фронта. Наконец, один из разрядов угодил в каменный выступ над нами. Шаговым напряжением нас тряхнуло так, что все вскочили на колени. Кто-то кричал, кто-то стонал, кто-то ругался.

Еще два грозовых фронта пришлось пережить нам. Наконец все стихло, и мы в каком-то забытии просуществовали до утра.

А утром выяснилось, что в головах у нас находилась связка ледовых крючьев, а в ногах у меня оставалась кастрюля с растаявшим снегом. В разбитом состоянии мы завершили восхождение, а в лагере рано улеглись спать, чтобы отойти от этой кошмарной ночи.

Вторая ночь на вершине была совершенно иной. Это было в Домбае. Я и Эдуард Богдасаров работали инструкторами в альплагере «Красная Звезда». Между заездами альпинистов мы двойкой вышли на восхождение на вершину Восточный Домбай по южной стене. Маршрут 56 категории. С нами было трое наблюдателей, в задачу которых входило наблюдение и связь с лагерем. Наблюдатели расположились на Домбайском перевале, на прямой видимости нашего маршрута. У них была рация, а мы с наблюдателями общались с помощью ракет.

Стена оказалась сильно разрушенной, с большим количеством «живых» камней, так что движение двойкой оказалось наиболее оптимальным решением прохождения маршрута. К вечеру мы вышли на предвершинный гребень в 15-минутном удалении от вершины. Погода отличная, на небе ни облачка, хорошо просматриваются вершины Центрального Кавказа. Решили ночевать на вершине, которая оказалась достаточно большой площадкой, сложенной из сланцевых плиток, так что организовать ровную поверхность для ночлега оказалось делом нетрудным. Наблюдателям дали зеленую ракету, перекусили и стали укладываться спать. Одели на себя все теплое, залезли в спальные мешки и натянули по горло края палатки Здарского. Лежа на спине, смотрели в небо. За суетой ночлега не заметили, как наступила безлунная ночь.

Маршрут на одну из вершин Центрального Кавказа, пройденный нами

Домбайские пейзажи

И мы увидели потрясающую, незабываемую картину! Перед нами блистал, сверкал и горел Млечный Путь! Казалось, что он рядом, стоит только протянуть руку. Мириады звезд не мигая светились разными цветами от желто-зеленого до холодно-голубого. Их было так много, и они уходили в такую пугающую глубину, что замирало сердце от этой бездны. Мы были подавлены этой сущностью бытия. Не разговаривали, а внимали в немом восторге и, в то же время, чувствовали себя такими ничтожными песчинками перед открывшейся бесконечностью мироздания.

Я не помню, как я заснул. А утром ночное видение исчезло. Солнце радостно светило, заставляя заняться дневными заботами. В обед мы соединились с наблюдателями, и к ужину были уже в лагере.

Восхождение в Безенгийском ущелье запомнилось своей длительностью (12 дней), переживаниями непогоды и курьезами. Под руководством мастера спорта Саши Наумова группа из восьми альпинистов вышла из временного лагеря «Безенги» на первопрохождение Северо-Восточной стены вершины Каштантау. Предварительно оцениваемая сложность восхождения была как 5a+1 (+1 – это повышение категории сложности за первопрохождение маршрута).

Поскольку маршрут начинался из соседнего ущелья, то ранее была сделана заброска продуктов на гребень Каштана, но все равно рюкзаки наши были весьма тяжеловаты. Ушло 5 дней тяжелых подходов и преодоления ледника Уллу-

Ауз, который упирается в горный массив Каштана. Мы в цирке ледника перед Северо-Восточной стеной вершины Каштантау. Слева гряда вершин четырехтысячников Тютюбаши, Труда, Мира и других, справа – хребет Думалатау.

Установили лагерь, и стали изучать предстоящий маршрут. Вокруг снег, солнце жжет неумолимо. К вечеру занепогодило, пошел снег и шел два дня. За эти дни ожидания мы наслушались грохота и шума лавин, насмотрелись на грандиозные снежные обвалы. Мы назвали эти дни безделья «Великим сидением» перед стеной.

Ребята достали карты, и стали втроем играть в преферанс. Я не умел, некогда было учиться, но желание было. Я сказал об этом. Саша

посмотрел на меня, как на ископаемое, и назидательно произнес: «Чтобы научиться преферу, надо что-то проиграть! На деньги не играем». Кто-то предложил играть на воблу. Из лагеря в качестве сухого пайка мы захватили воблу, хорошенькую такую, жирненькую. Я согласился. Наступило оживление. Быстро разделили общую воблу на кучки, и начался заинтересованный процесс обучения. Каждый свободный игрок становился моим учителем, объясняя, что к чему. За картами время летит быстро, и к вечеру моя горка воблы перекочевала к «товарищам». Правда, в преферансе я хоть немного, но стал что-то понимать.

После непогоды пришлось еще день оставаться на месте, наблюдая сходы «живых» лавин. На следующий день вышли на маршрут рано, еще было темно, чтобы до возможного камнепада проскочить крутой снежник, преодолеть бергшруд и выйти на скалы. Часам к десяти мы на скалы вышли. Скальные работы для нас – обычное дело. Несколько сложных участков преодолевали с крючевой страховкой. Остальные скальные участки проходили с попеременной страховкой. Солнце нагрело скалы, и лазание было приятным. Держались ближе к едва просматриваемому контрофорсу. К концу дня скальный участок маршрута практически был преодолен. Осталось пройти треть маршрута по крутому снежнику. Оборудовали две площадки для палаток и приготовили хороший ужин. Из продуктов оставили необходимое только для завтрака, остальное все съели, памятуя, что наверху нас ждет продуктовая заброска.

Ночь прошла спокойно, запоздалые лавины с тихим шелестом скатывались вниз. Утром позавтракали, одели кошки и с легкими рюкзаками вышли на штурм крутого снежного склона. Решили идти не зигзагами, а прямо в лоб снежнику, чтобы не подрезать снежный покров и не провоцировать сход лавины. Идем двойками, часто меняемся, первому особенно трудно делать ступени. Лично для меня эта работа оказалась не столь выматывающей. Сказалась специальная зимняя тренировка, когда я ходил по сугробам лесных оврагов, утопая по пояс в снегу.

Солнце печет, белый первородный снег отражает лучи до ожогов, ветра нет, мы в очках и марлевых повязках, пот застилает глаза, часто останавливаемся, чтобы отдышаться. Хочется пить, но снег не утоляет жажду, губы от жары и пресного снега пухнут и болезненно трескаются. В таких условиях мы движемся несколько часов. Но вот и перегиб склона, далее пологий снежный участок ведет к вершинному гребню Каштантау. Падаем на снег в изнеможении, какое-то время лежим на снегу, приходим в себя. Остается немного пройти – и мы на гребне, где есть ветер и можно найти тень. Мечтаем о чае со сгущенным молоком и хорошем куске краковской колбасы.

Наконец – подъем, и мы медленно бредем к гребню. День клонился к концу, когда мы достигаем гребня и можем обозреть всю мощь и суровую красоту Безенгийской стены. Но на западе опять хмуро, опять нас ждет непогода! Как она нам надоела! Ночевать в палатках, на гребне, на снегу, когда палатки так трудно закрепить!? Нет. Решаем рыть пещеру. Шестеро человек начинают готовить пещеру. Руководитель Саша Наумов с альпинистом, которые были в группе заброски, ушли за продуктами. Пещера почти готова, с трудом ворочаем последние снежные глыбы. Очень хочется есть! После завтрака во рту не было ни крошки.

Возвращаются посланцы, но почему-то без энтузиазма. Не нашли заброску!? Оказывается, за двое суток непогоды намело столько снега, что изменило обстановку: там, где раньше выступали из снега отдельные скалки, было совершенно чистое поле. Нашему разочарованию не было предела. Пережить непогоду неизвестно сколько времени, а затем голодными, без сил, совершить спуск, – об этом даже думать не хотелось.

– Мы, как кроты, перерыли много мест, – рассказывает Саша, – но заброски не нашли. Наткнулись на чужую, пролежавшую несколь-

ко лет, и, по-видимому, тоже не найденную.

И достает из рюкзака пятикилограммовую банку черной икры. Ну, это уже что-то, на сердце немного отлегло.

– А как же ее есть без хлеба? – кто-то спросил.

– А вот так! – заявил Саша, – буду выдавать каждому по ложке!

Полученную ложку черной икры мы съели, даже не заметив ее вкуса. Запив кипятком, мы стали укладываться на снежные нары. Снаружи уже бушевала метель, а в пещере было тепло. Так завершился для нас этот трудный день. Метель закончилась к концу следующего дня, а мы съели с отвращением свои три ложки черной икры, вспоминая реплику таможенника из фильма «Белое солнце пустыни».

Наутро снова солнце! Да здравствует жизнь! Быстро сложили рюкзаки и налегке ушли на вершину. На вершине забрали в туре записку предыдущей группы и оставили свою. Полюбовались утренней красотой горных хребтов, вернулись к рюкзакам, и затем по знакомому маршруту спустились к леднику Кундюм-Мижирги.

Здесь на привале доели ненавистную икру и начали кружевной путь спуска с тщательной страховкой по трем ступеням ледника с пятнадцатиметровыми трещинами. Иногда приходилось по-пластунски проползать снежные мостки между трещинами. Но вот уже – склоны пика Панорамный, и мы спускаемся на ледник Мижирги. Далее наш путь – по морене вниз. Заметил, что ноги, туловище и рюкзак двигаются едино и согласованно, а живот, наполненный водой и отдельными икринками, никак не попадает в ритм остальному.

Все, мы – в лагере Безенги!

На вершине

ШУТОВ Виктор Иванович – доктор технических наук, лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки РФ, мастер спорта по альпинизму